

Аланка Уртати

Кавказские НОВЕЛЛЫ

Skleněný
mostek
2015

Аланка Уртати

Кавказские НОВЕЛЫ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Аланка Уртати - российская писательница, член Союза писателей Москвы и России. О ней пишут в СМИ, что она взяла себе благородную задачу заново знакомить с Кавказом россиян, которые за время перестройки и разлома страны, или забыли, или уже не знают его.

О ее произведениях пишут, что они обладают «мощной энергетикой Кавказа, которая питала самых великих представителей русской литературы, таких как Пушкин, Лермонтов, Толстой».

Ее творчество называют «свежей струей в сегодняшней русской литературе», она пишет хорошим стилем и чистым русским языком, от которого российский читатель за прошлые годы, если не читал классику, мог отвыкнуть, придавленный пошлостью и цинизмом сверхновой литературы.

Теперь Аланка Уртати вышла за пределы своей страны, чтобы рассказать миру о своем Кавказе, который считает удивительной страной внутри России.

© Аланка Уртати 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-66-2

СОДЕРЖАНИЕ

МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО Я БАБОЧКА ВОЛК, ВОЛК... ДАР ЦАРИЦЫ

1.

2.

3.

4.

5.

6.

ДЖОДЖР

I.

II.

III.

IV.

V.

VI.

VII.

VIII.

IX.

X.

XI.

XII.

ХІІІ.

КАВКАЗЕЦ

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 8.
- 9.
- 10.

КОВЧЕГ НАИРЫ

ЛАМИНКА

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.

Вместо эпилога

БАЛЛАДА О ЛЕРМОНТЕ-СТИХОТВОРЦЕ

- I.
- II.
- III.
- IV.
- V.
- VI.

НАРТЫ И ДАЛИМОНЫ

Глава 1. Караван большого ущелья

Глава 2. В стране поздних Нартов

Глава 3. Жизнь в горах

Глава 4. Всякий люд на дорогах жизни

Глава 5. Печаль по А-Лани

ПРЯМОЙ ПУТЬ ПО КРУГУ

ПОЙДЕМ В ЦВЕТЛИН!

Часть I. Первопричина Цветлина

Замок на горе

Мужской принцип Цветлина

Путь в Нидерланды

Встреча в Пуле

Часть II. Приди в мой дом

Гости Штефана

Иво и Габриэл, цветлинцы

Лена и Марко

Ёжи и Кира

Бранко и Снежана
Давор и Аида
И все любители «belot»
Часть III. Зимой в горах
Возвращение в Цветлин
В поисках утраченного...
Кредит, силки и чашка кофе
Массагетская царица
Штефан и Лара
Выстрел в спину Цветлину
Ночное происшествие
Открой свое сердце

ПОЛЕТЫ НАД КРЫШЕЙ МИРА

- I.
- II.
- III.
- IV.
- V.
- VI.
- VII.
- VIII.
- IX.

ОТДАЙ СВОЙ ПРАЗДНИК ДРУГУ
ПТИЦЫ, ЛЕТЕВШИЕ ЗА БОГОМАТЕРЬЮ

Спасатели
Детский городок
В бездне Беслана
Ангел
Бесланский класс...
Философия смерти
Малыш
Святящийся крест
Сон Ирины
Возвращение?

ПУШКИН И ДРЕВНЯЯ АЛАНИЯ
ПРАЗДНИК СВЯТОГО ГЕОРГИЯ
ИЗ СТАМБУЛА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ
ХУДОЖНИК

I.
II.
III.

НОРА ШВЕЙЦЕР

I.
II.
III.
IV.
V.

МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО Я БАБОЧКА

Мое восхождение началось от плато – выше, к поднебесью. От слабости мне это плохо удавалось, и я опять шла на полусогнутых ногах.

Открытая калитка беспомощно висела. Я прошла через пустынный двор, в нем больше не было жизни. Перед дверью я остановилась. Когда-то давно отец сказал про мое внутреннее зрение, теперь я понимала, что оно означает: я чувствовала, что в доме кто-то был.

Долго, очень долго я стояла на пороге, а потом в отчаянии забарабанила в дверь. Я била обеими руками и кричала:

– Открой мне дверь! Ты вернулась, я же знаю, что ты вернулась!

Это было безумие с моей стороны так кричать. Я испытывала боль в груди. Та боль, что скопилась за недолгую мою жизнь, вдруг превратилась во что-то огромное, оно разрывало меня изнутри. И некуда было деться от этого, не было в мире такой стены, которая заслонила бы меня.

Дверь вдруг подалась, от неожиданности я упала на колени и закрыла лицо руками. Я боялась увидеть того, кто вышел...

* * *

Старуха иногда смотрит на меня, не надоедая взглядом. Это она везет меня в глубь гор, хотя я вижу ее впервые. Она попросила отдать ей меня, и меня отдали.

Что-то есть во всем – в горах, в дороге, в этой женщине, в чем невозможно разобраться. Только все время что-то чувствуешь, и ты одинока в этом.

Заглядываю в бездну пропасти, но там, внизу, никак себя не ощущаю. Я наверху, парю в маленькой коробочке автобуса, пропахшего пылью, бензином и летними яблоками.

Теперь мы едем уже не по асфальту, а по осыпи камней, у всех дрожат щеки, а у меня сотрясается все внутри. Нас восемь пассажиров, девятый шофер, мы плывем по горному серпантину – слева над пропастью, а справа жмемся к скалам, нависающим над нами.

Мне не страшно, просто внутри что-то тоненько мучает, не отпускает и кажется, что оно вот-вот прорвется, и все обрушится на нас. Меня даже начинает тошнить, старуха могла бы заметить, я, наверное, бледная.

Но как раз в это время она не поворачивается ко мне, и я вижу ее какой-то особенный профиль, по которому никак не догадаться, сколько же ей лет. Для меня она старуха; ей, наверное, тридцать лет.

Автобус напоследок рыкнул, дернулся – приехали. Она кивает мне, и мы уходим вдвоем по узкой дороге, берущей резко вверх над плато, на котором уже ставший маленьким для нас автобус разворачивается и ползет назад.

Она вдруг забрасывает все концы своего огромного платка на голову, получается неповторимый убор, но это нагромождение спасает ее голову от солнца, в то время как мою нещадно печет.

Теперь я вижу ее узкую спину, размеренную походку. так я могла бы идти только по ровной дороге. Идем – она, будто сосуд на голове несет, стройная и высокая, а я – на полусогнутых ногах.

Меня больше не тошнит, все нутро словно вынули из меня. Я еле плетусь, но ни за что не спрошу, долго ли еще идти.

Мы пришли в тот самый момент, когда мне было уже все равно, сколько идти. Во дворе, обнесённом низким забором горного сланца, стоял оглушительный шум от коз и птицы.

Ковчег дедушки Ноя! И я ваша теперь, дорогие мои звери, я с вами теперь! Ей, видите ли, скучно стало, и она выпросила меня у моих родственников.

Тут она наметила ястребиным взглядом жертву – пеструю курицу, и та сразу начала носиться по двору, чувствуя близкую смерть.

Но ведь не станет же старуха отрывать ей голову сама. Выйдет, наверное, с курицей подмышкой и с ножом в руках и будет поджидать какого-нибудь мужчину, а представить прохожего – здесь же конец пути, самый верх под небесами, сюда однажды забираются, чтобы забыть все, что внизу.

Она взяла свою курицу, добытую в дебрях сарая, и ушла по дороге в другую сторону от нашего пути сюда.

Как только солнце закатилось за вершину, в одно мгновение все померкло. Вмиг потянуло холодом. Я вошла в дом и огляделась. В таком доме, конечно, нет ни книг, ни музыки, ни ванны. Ничего нет.

Пока она растопит печь... Я голодна и не скажу ей об этом, но внутри всё гаснет, и от дорожного волнения и любопытства не остается и следа.

Когда курица будет готова, она мне уже не будет нужна, я хочу есть сейчас. И с дороги я хочу спать, но она, пока не приготовит поесть, не догадается уложить меня.

Мне холодно и противно. Я уже ненавижу этот дом и испытываю лишь раздражение от всего, что меня окружает.

Когда приходишь в чей-то дом впервые, то видишь какие-то вещи и хоть один уголок, в котором хочется в дождь забраться под плед и посидеть с книжкой.

В этом доме нет ничего, что могло бы понравиться. Интересно, долго ли она заставит меня здесь гостить?

Старуха пришла и принесла уже ошипанную курицу с болтающейся головой, и конечно, сырую – разве могла она свариться за это время? Но на

блюде у нее оказались горячие пироги, необычайно вкусные.

Тут до нее дошло, что я умирала от голода и усталости, и она быстро постелила мне постель. Я провалилась в бездну сна.

Утро встретило меня ослепительным солнцем и шумом животных во дворе. Я встала и увидела весь этот поднебесный мир.

Вслед за козами я отправилась по склонам, откуда виднелась древняя, узкая и высокая сторожевая башня. Когда-то в момент опасности там зажигали огонь и передавали сигнал от башни к башне.

Вслед за козами я пришла на альпийский луг, собрала там большой букет цветов и горной мяты для чая.

Моя старуха весь день пыталась меня приласкать. Она приготовила вкусные пироги с тыквенной начинкой, мы сидели на крыльце и ели. Я съедала серединку пирога, а края скармливала курам и ягненку.

Тина, так звали мою старуху, расспрашивала о Дине, моей мачехе, но мне не хотелось думать о Дине. Я протягивала кусочек пирога ягненку, он брал его так трогательно, что ладоням было щекотно. Куры зорко высматривали одним глазом, куда упадет крошка. Забавно было так обедать.

Она, кажется, спрашивала о мачехе. Папа долго не женился после моей мамы, а все родственники в каждый его приезд приставали к нему, чтобы он женился, они говорили, что мне нужна мама.

Когда его познакомили с Диной, все увидели, что он поразился ее красоте. Теперь они живут в Сирии, где папа давно работает в посольстве. А я живу у тети, его старшей сестры.

Возможно, моя тетя добрая женщина, но мне невозможно привыкнуть к ее голосу.

Она рассказывает веселую историю, а кажется, что она кричит и выкатывает глаза. Ее нисколько не заботит, что в доме все хорошо слышат. Дядя очень тихий человек, а мой двоюродный брат имеет абсолютный музыкальный слух.

Так говорит мой папа, он ему привозит джазовые диски, потому что больше всего на свете мой брат любит джаз.

У него есть пластинки, на которой слепой негр поет о Голубых Гаваях. Хриплый такой, печальный голос.

А у тети есть привычка – говорит фразу, а со второй половины сама себе вторит, например:

– У меня от твоих странностей голова кругом идет, – это она мне – ...и голова кругом идет. – И так постоянно.

Странности – это моя «манера никогда не спорить, смотреть искренними глазами, а делать по-своему». Когда она начинает это говорить, я надеваю наушники, которые привез мне папа, и снаружи остаются ее губы.

Я ничего не делаю плохого, просто я сама по себе. Поэтому тете кажется, что она не справляется с моим воспитанием.

– И что тогда скажут все!, – сокрушается она.

А больше всего она будет виновата перед братом, моим отцом, потому что сама настояла на том, чтобы он женился на моей мачехе. И теперь не поймешь, довольна она этим или сожалеет.

Она мучает меня своими подозрениями, что у меня появились «плохие» подруги, которые обязательно испортят меня.

– Сейчас такое время, – говорит она – очень много плохих девочек... И очень много плохих девочек.

А моим подругам больше всего нравятся мои красивые вещи. Они ходят в них, пока родители не спросят, откуда у них такие вещи, и не вернут тётё.

Тётя всякий раз перед всеми гладит меня по голове и со вздохом объясняет – несчастная девочка. А с её привычкой все повторять, я слышу это многожды, многожды...

Иногда я могу её ненавидеть...

* * *

Под тем рисунком стояло: «Мне снилось, что я бабочка». Аманда Плоуден, 10 лет, Великобритания. Она была моей ровесницей. Я тогда сказала папе, что Аманда от чего-то страдает.

Он после этого попросил каталог Всемирной детской выставки на английском языке, внимательно перелистал его, а потом кому-то сказал, что у меня внутреннее зрение, и что мне будет трудно жить.

Про зрение я не поняла и обрадовалась, что мне будет трудно, значит, папа не уедет больше. Но папа вскоре женился на Дине и уехал.

А с тех пор, как у меня в Сирии родился брат, они давно не приезжали, потому что малышу было вредно менять климат.

Однажды я совершила безумный поступок – написала Аманде Плоуден в Бирмингем письмо. Я послала ей массу ошибок по английской грамматике, правда, заранее извинилась за все ошибки.

Через два с половиной месяца от нее пришел ответ. Мне перевела это письмо старшая сестра моей одноклассницы, она учится в университете.

Аманда писала, что не понимает, отчего это я, такая здоровая и красивая девочка, как на фотоснимке, где стою с папой в детском парке, могу быть всегда такой печальной. Она написала почему-то «всегда», как будто знала меня.

Аманда всегда весела. Правда, в недавнем прошлом ей пришлось кое-что пережить, и теперь её возят в кресле.

Тогда и случилось то, что ей приснилось – она была бабочкой, у нее были крылья. И чтобы это осталось навсегда с ней, она нарисовала свой сон.

А мама сказала, пусть этот рисунок путешествует по всему миру, и послала его на конкурс, так он попал и в мой город.

Я приколотла к стене снимок – Аманда в кресле, рядом ее мама, обе сме-

ются, а позади большой красивый дом, какого я не видела никогда в жизни. У него, как у человека, есть имя «Файнхолл», по словарю – прекрасный дом.

Так он и запал мне в душу вместе с девочкой, летающей во сне бабочкой, ее счастливой мамой, сеттером Джерри, у которого на коричневом носу белое пятнышко.

Аманда спрашивала в письме, предполагаю ли я, когда вырасту, посетить Файнхолл. Я тщательно выписала в ответном письме фразу: «Я предполагаю посетить Файнхолл».

Аманда с мамой часто сидят с атласом в руках и обсуждают маршруты их будущих путешествий по свету, потому что, как говорит мама, Аманда в кресле видит тот же самый мир.

И тут со мной что-то случилось, я стала покрывать стены своей комнаты открытками, наклейками с разными странами и городами. Часть из них привозил когда-то папа, другую часть я вырезала из журналов.

Вокруг меня появился необозримый мир, а в центре, посреди Англии – Файнхолл, место, где живет Аманда, не ступающая на землю ногами, счастливая бабочка.

Я скиталась по домам многочисленных родственников, но мысленно всегда обращалась к одному и тому же месту. Мне предстояло только вырасти, чтобы найти это место.

* * *

Я знаю много домов, мое открытие заключалось в том, что в богатых и бедных домах моих родственников мне хуже, чем здесь, в доме Тины. Только меня не оставляло чувство, что для Тины это временное пристанище, такое же, как для меня.

Здесь не было дома, но потом я поняла, что Тина решила его создать. Она как будто взяла меня навсегда и никому не собиралась отдавать. А то, что тетя с дядей уехали из города, передав, что я могу здесь провести все каникулы, Тине было только на руку.

Она вдруг стала из магазинов, непонятно где находившихся, привозить различные вещишки. Наверное, она растрачивала таким образом все свои деньги. И бедное жилище Тины с каждым разом преображалось. Оно не стало богаче, оно стало уютней. А может быть, я стала привыкать к нему.

К нам даже попала роскошная, расписанная золотом и глазурью сахарница.

Мы пили чай, настоенный на травах, которые я собирала на альпийских склонах, любовались нашей сахарницей, а рядом из японских наушников слепой негр пел о Голубых Гавайях. Тина смотрела на меня, улыбаясь. Нам было очень хорошо.

Я тоже украшала жилище, писала акварелью картинки, которые Тина повсюду развешивала. Мне пришла в голову мысль обновить старый и совсем

облезлый ковер, на котором вместо узоров проступала стершаяся зала с королевой на троне и придворными.

Тина рассказала, что это грузинская царица Тамара принимает послов, бабушкин ковер. И если не прикасаться к нему, а только смотреть, то наша комната включала в себя ожившую дворцовую залу.

Мы сами делали хлеб, пили с ним козье молоко. Я загорела. Тина радовалась, глядя на меня, и говорила, что меня теперь не узнать, из бледной и хилой девочки я превратилась в красавицу с розовыми щеками.

* * *

Как-то я подумала о Тине, что она как будто ходит под чьим-то пристальным взглядом. Как будто кто-то есть, кого я не вижу.

Иногда она могла весело смеяться и становилась моей ровесницей, тринадцатилетней девочкой, а потом могла застыть и снова стать старой.

Однажды проехал на лошади мужчина, который оповестил всех жителей ущелья о чьей-то смерти в селении под нами. Тина собралась, за нею зашли другие женщины.

Я пошла их проводить и долго еще стояла на выступе скалы, смотрела, как они в черных одеждах вереницей сходили вниз.

Тина выделялась среди них не только своей походкой, она не была похожа ни на кого вокруг меня.

Поздно вечером она появилась с покрасневшими от слёз глазами. Я ждала её и спросила, отчего она так плакала, ведь умершая старуха была ей чужой.

Тина ответила, что чаще всего на похоронах каждый плачет о своем горе, а покойник всегда предлог наплакаться вволю.

А через несколько дней ночью я стояла босиком под дверью другой комнаты и слушала мужской голос, который говорил с Тиной:

– ...тебе всех жалко, Тина, кроме меня. Сейчас ты уговариваешь меня полюбить эту девочку. Я полюблю ее когда-нибудь, но почему ты губишь моего ребёнка в зародыше? Носишь-носишь, а потом что-то случается, и все рушится.

Тина плачущим голосом ответила ему:

– Может быть, это всегда было невозможно. В этот раз я особенно молю Бога и очень осторожно хожу. Наверное, это последний раз для меня.

– Тина, – воскликнул мужчина, – ты хочешь сказать, что ты опять...? Почему же ты не вернешься? Как ты можешь жить здесь, ведь это же не дом! Только вернись, я не позволю никому сказать тебе даже слово...

Я вернулась на свою постель и накрылась одеялом с головой, потому что одинаково боялась и слов, и тишины из-за той двери.

И тут открылось мне, что Тина всегда, каждый час ждала этого человека. И меня взяла потому, что ей невыносимо было ждать одной. Она дождалась, и теперь, когда они выйдут из той двери, их будет трое.

Я стала думать о том, кто в этом мире ждёт меня. Дэна задаривает вещами, которые мне вовсе не нужны, чтобы я не плакала и не цеплялась за папу, когда они уезжают.

А тётя на людях совсем не такая, как в доме. Может, она и любит меня, но ведь не больше своего единственного сына, а всем старается объяснить, что больше.

Все почему-то притворяются друг перед другом, что любят меня больше своих детей, хотя все понимают, что это невозможно. Наверное, у них это верх приличия – так говорить.

Я долго плакала и очень от этого устала, и еще что-то во мне накапливалось, непонятное что-то. Рано утром я встала и пошла по склону, где всегда пасла коз Тины.

И там, за склонами, вдруг открылось: он, как сказочный зверь, распластался и сверкал на солнце своей белоснежной шкурой.

И я пошла по ослепительной дороге, соскальзывая с ледяных глыб в расщелины, но это не пугало и не останавливало меня. Я знала, я всегда знала, что такой особенной дорогой можно прийти в прекрасный дом.

Все случилось в одно мгновение – сияние льда ослепило меня. Когда сознание мое прояснилось, я почувствовала нестерпимую боль в левом колене. Спина упиралась в ледяную стену, а когда я попыталась повернуться, то уперлась в ледяные стены плечами. Мне было холодно, очень холодно, мне было больно.

Надо было переждать, пока пройдет боль и попытаться выбраться отсюда. Больше всего на свете мне хотелось согреться, но снизу и с боков был лёд, наверху была узкая полоска неба, залитого солнцем, его лучи не проникали в эту щель.

Мои зубы стали стучать, я стала тихонько заывать, как брошенная собака. Скоро голос охрип, я продолжала звать, глядя на узкую полоску неба.

Неизвестно, сколько же времени прошло, но я стала согреваться. Тепло все больше окутывало меня, а боль и тяжесть стали уходить, мне становилось легко и спокойно.

Еще никогда мне не было так спокойно и хорошо, будто ко мне приближалось счастье. Я затрепетала, ожидая его.

И это чувство не обмануло меня – за спиной, где был только лед, появилось что-то легкое и прозрачное, которое я видела, хотя не поворачивала голову. Это были мои крылья.

И вдруг неожиданно для себя я почувствовала, что могу оттолкнуться от ледяной стены и взлететь навстречу голубому сиянию неба.

Я легко поднялась над моею щелью и наверху увидела летящую навстречу мне большеглазую бабочку – Аманду. Мое сердце рванулось навстречу ей, и мы закружились надо льдом, покрытым цветами со звонницами, которые звенели.

– Скорее, скорее в Файнхолл, там ждут нас, – торопила Аманда, и от счастья у меня то замирало, то взрывалось сердце. Я набирала высоту и парила, я ровно взмахивала крыльями, и мы летели. Аманда не отставала от меня.

Впереди уже сверкал дом, я знала, что это дом Аманды. Тот самый дом!

Я смеялась и кружилась, это я танцевала, но вдруг что-то ударило меня по лицу, и голос Тины закричал, чтобы я не смела так поступать. Она мучила меня, и я поняла, что она очень жестокая. Она изгнала все мои цветы со звонницами, а меня, бабочку, придавила чем-то тяжелым.

О моя огромная белоснежная яхта, отплывающая в ту сторону, где каждый дом – Файнхолл, прекрасный дом, где девочка с парализованными ногами посылает в мир не беду свою, а легкокрылую бабочку.

Она опустила на мое сердце, и с тех пор поселилась в нем непреходящая тоска по дому, где умеют быть счастливыми. Туда и только туда был мой путь, начавшийся с того момента, как меня увезли в горы.

* * *

Я – Аманда, превратившаяся в легкокрылую бабочку. А кто-то плакал и называл меня другим именем, оно мне было знакомо.

– У девочки миновал кризис, – сказали надо мной.

Потом сквозь сумрак проступила комната, цветы оказались рядом в вазе, мое тело перестало быть телом бабочки, я ощутила ноги, но не ощутила крыльев за спиной.

Я не была Амандой, я была мною.

Надо мной склонялись лица, меня целовали, что-то предлагали есть – это было наваждение из множества лиц. Предстояло узнать, кто были все эти люди.

Мне предстояло, кроме того, сложить цепь событий, которые бы объяснили мне многое. И я затратила немало усилий, связывая в памяти все происшедшее в единое целое.

Однако было что-то, что оставалось недоступным моему пониманию.

Губы всех людей были немые для меня, как будто я надела наушники, только вместо музыки отныне я слышала лишь удары собственного сердца.

Тогда я превратилась в тайного, невидимого зверька у своего собственного изголовья, который никогда не дремал, даже когда у него были закрыты глаза и ровное дыхание спящей. Он без усталости охотился, вылавливая истину, из которой меня заново рождали на свет, выхаживая после крупозного воспаления легких, полученного во льдах.

Чаще других я видела возле себя красивое, очень красивое лицо женщины.

Сменяя друг друга, обитатели многочисленных домов, где я скиталась в моей жизни, приходили сложить к ее ногам цветы поклонения ее самоотверженности.

По словам этих людей, это была самоотверженность настоящей матери. Все восхищались этой женщиной.

Двух лиц я не помнила – лица моей матери, умершей, когда мне было пять лет, и лица Тины...

И еще одно лицо было мне незнакомо, когда выплыло в зеркале – бледное, с прозрачными, почти салатового цвета, глазами – лицо убийцы Тины, которая умерла от кровотечения, погубив себя и своего ребенка, спасая меня из ледяной пропасти.

* * *

Когда я открыла лицо, этот человек стоял на пороге и смотрел на меня сверху вниз. Я не могла увидеть его взгляда, съезжившись, я ждала, что одним движением он наступит, затопчет, убьет меня.

А он молча спустился, сел на последнюю ступеньку и сидел так, уйдя в себя.

И вдруг во мне прорвалось что-то, я заговорила и не могла остановиться. Я рыдала и все ему рассказывала – о Файнхолле, о всех других домах, о доме Тины.

Прошло сто часов, прежде чем он взглянул на меня и долго так смотрел.

Потом встал, поднял меня с колен, взял за руку и повел по направлению к плато. Автобуса не было, и он продолжал вести меня по дороге. За все это время он не сказал ни одного слова.

Через несколько километров нам встретился автомобиль, мужчина остановил его, посадил меня и отправил прочь из гор, в которые когда-то увезла меня Тина.

Через несколько лет он нашел меня. Было что-то неделимое у нас, мы и не стали это делить. И не стали бежать от случившегося много лет назад, а вместе вернулись в тот дом, стали приводить его в порядок. Это дало нам жизнь, нашу общую жизнь.

Но у нас еще оставалась тоска. Для будущего нужно было победить и ее.

Все лето он трудился над домом, а я посадила вокруг дома цветы. Особенно много там было белоснежных хризантем, которые расцвели осенью.

Наступила поздняя пора осени, мятущаяся, которая приковала нас к унынию. Но еще более печальная участь ожидала ее.

Как старый, облезлый пес, с желтыми в предсмертной тоске глазами, ползла она к подножию гор, за которыми был ледник, и там издыхала.

Ночами ветер рвал её, и клочья долетали до нашего порога. Мне казалось, то же самое происходило с моим сердцем. Это в последний раз, – шептала я себе, бледнея от воспоминаний.

Больше всего на свете я любила теперь этого человека, который строил мне то, что я так рано и мучительно начала искать.

Мы ожидали зиму и надеялись, что её девственная чистота скроет смятение осени, тоска уйдет безвозвратно, и наши сердца отдохнут, наконец, в тихом счастье.

И однажды утром снег принес нам сияющую безмятежность...

1987 г.

ВОЛК, ВОЛК...

Небо и море были вспороты по горизонту алой полосой заката. Краски были яркие и чистые, как у Рокуэлла Кента, я громко сказала об этом соседним балконам, и все вышли посмотреть фантастическую живопись природы.

Каждодневный ритуал проводов солнца в другое полушарие собирал на берегу всех.

Ежевечерне закат поражал нас неповторимыми картинами: то вздымались в небо огненные паруса, то смотрели из туч два огненных глаза, то падал огненный шар в пучину моря.

Поздно вечером холодным светом зажигались фонари на берегу, растворяясь на рассвете вместе со звездами.

Волк жил этажом выше, спал на балконе и по утрам казался спящим в клетке.

В столовой он молча поглощал пищу, перебрасываясь с другом скорее знаками, чем словами, и изредка вскидывал взгляд, высматривая следующее блюдо.

В море он бросался с самого берега, непонятно как уходя в глубину. Ему было лень искать удобное место, и он бросал свое загорелое напряженное тело в песок у самой лестницы, куда никто другой не ложился.

Это был молодой и сильный зверь. В лифт, к лестницам, в кресло он бросался так же, как в волны.

Я жадно смотрела, наблюдала, прорезаясь в его взгляде, как в отблеске молнии.

Все остальные люди были отдыхающие. Среди них были известные актеры и режиссеры, издатели толстых журналов, журналисты-международники, советники Министерства иностранных дел, теннисисты и шахматисты с мировой известностью.

Этот пансионат, предназначенный для кинематографистов и журналистов, вбирал в себя не только столичный творческий народ, но и тбилисцев, взивавших дань за территорию солнечной Пицунды.

Здесь, как и всюду, были свои контрасты: наезжавшие в изолированные одноэтажные коттеджи с громким гулом секретности семьи членов советского правительства и – гримерши, костюмерши, попадавшие сюда, как правило, исключительно случайно.

Или – великие актеры, сражавшие наповал обслугу своим обаянием и скромностью, и – дамы тбилисского света, которые с особым шиком меняли

по несколько раз на дню одежды и застывали в величественных позах в холлах с видом на море.

Творцы и создатели, оторвавшись от своего прекрасного и напряженного труда, самозабвенно отдавались морю и солнцу, играли в пинг-понг, большой теннис, бильярд, удили рыбу, смотрели кинофильмы, собирались за столиками приятными и нешумными кампаниями, то есть, как было принято говорить среди них, отдыхали «совершенно очаровательно».

Волк был Волк. Жил в номере, питался в столовой, лежал на пляже – красивый, затаившийся хищник, проникший через дыру, открытую для тбилисцев.

Я не искала этого мира, стоя в маленьком аэропорту родного города в полчасе лету к морю, имея для недельного отдыха голубое платице, изумрудный сарафан с драконом и немецко-русский словарь на 80 тыс. слов, который намеревалась подкладывать под голову на пляже, чтобы этой осенью сдать кандидатский минимум в аспирантуре на отделении теле-радио журналистики Московского университета.

В холле металась крошечная, как эльф, кудрявая дикторша местного телевидения с путевкой, которую выбила с большим трудом и которая теперь из-за отсутствия ее подружки, известной танцовщицы, горела в ее руках синим пламенем.

Увидев моих родителей, провожавших меня, она вцепилась в них намертво, обрадовав пансионатом со сверхприличными условиями, снимая тем самым камень с их душ от моего путешествия в неизвестность.

Не искала я и Волка. Каждую весну я наблюдала одно и то же в баре моего московского министерства, где служила в рекламе. Я зримо видела, как к столичным девицам подкатывала волна и несла их к морю, к пылкой и краткой любви кавказцев в жареве пляжей, в прохладе номеров и ресторанов, к буйству душ и тел.

Вкушая пирожное – эклеры, они предвкушали Юг, прелесть которого научились вырывать у серой монотонности жизни как спортивную победу.

Там, где начиналось южное солнце, был мой дом, и великая истина вбита в сознание, что берег Черного моря – не место для настоящей любви, которая определяет для девушки всю ценность жизни.

И я испытывала лишь презрение к девицам, имевшим характеры чувственных бойцов, способных побеждать в себе конец сезона, сворачивать кипящие радости, чтобы следующей весной лечь на новую волну.

Фрейд был непризнанным на моей родине философом, ему, как и персам царя Дария на белых слонах, не суждено было пройти, в древнее горнило Дарьяла, чтобы занять почетное место среди наших исконных старейшин, откуда исходят все великие истины, заполняющие незримый багаж наших предубеждений, вручаемый сотням таким, как я.

И если Бог наказал меня, то не за гордыню или презрение к жрицам люб-

ви у моря, а за то, что упрямо рвусь к тому, чему нет места ни среди законов отрицания, ни среди беззакония соглашательств. Не зная сама, чего ищу, я храбро шла навстречу волчьим законам любви.

И вот теперь я без отдыха охотилась за Волком, безоружная, без капкана. Но, пойманная им сама, таскала на шее обрывок шнура от ошейника со старинной монеткой и была похудевшая, чудом загоревшая, при моей безотносительности к пляжу, с голодным светом в глазах, если в них не отражался готовый к прыжку в сторону Волк.

Он меня щадил, можно сказать, даже тщательно оберегал от себя же. Я сидела словно на пьедестале, поднятая им на высоту, спустив оттуда ноги, и тихонько плакала от невозможности что-либо изменить в этом поединке со зверем.

Мы оба были кавказского происхождения, и он, к своей чести, не имел намерения перейти ни одну из дозволенных граней по отношению «к своей», а на большее – любовь – он и не рассчитывал.

Старухи, бывшие балерины, сидевшие между нами в столовой, навели на него лорнеты праздного любопытства, и он мелькал в них, притаскивая очередную жертву для вечернего заклания, шокируя старух.

Каждое утро за завтраком они, как на педсовете, подробно обсуждали его вчерашнее поведение. У них была цель отвратить меня, хорошую девочку, от него, интересного, но опасного.

По этой причине они не могли быть равнодушными к нему. Это тоже было охотой на него.

Я же ни разу ничего не заметила. Волк был осторожным или благородным хищником, если такой парадокс уместен.

Поначалу, не разобравшись в его коварстве, я спокойно проводила вечера в пустом номере, заучивая немецкие слова из общественно-политической лексики. Я пропускала фильм за фильмом, идущие в кинотеатре нашего пансионата, где режиссеры и актеры были рядовыми зрителями своих же фильмов, и наблюдать их собственную реакцию иногда было довольно забавно для окружающих.

Когда, наконец, я взбунтовалась, он меня вмиг усмирил, сказав убедительную гадость о фильме. Тот вечер я тоже просидела в своем номере, потому что Волк исчез еще на закате. Это было необъяснимо – наша связь, принявшая с самого начала такую форму.

Начало было положено в баре на территории пицундского «Интуриста», где в ту пору были в основном западные немцы, чехи и немного поляков.

Тот, кто сидел рядом, извлек меня, плачущую, из будки междугородного автомата, где я узнала, что опоздала на экзамен, потому что не успела сделать перевод книги по телевидению, а значит, все откладывалось до следующей весны. Потрясение мое имело ту основу, что в моей жизни ничто не происходило, не сдвигалось – был полный штиль молодой жизни, как во сне, когда ты бежишь из всех сил, оставаясь на одном и том же месте.